Произведения лауреатов и дипломантов Четвертого открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Сопричастность»

Номинация «Сопричастность» 2025

Первое место (золото) и звание лауреата:
Гошев Сергей Аркадьевич (персональный номер участника - 544)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Гахов Александр Константинович (551)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Тетенькина Татьяна Григорьевна (413)

Звание дипломанта:
Журихина Таисия Николаевна (574)
Грицук Анатолий Павлович (484)
Эйза Людмила Александровна (486)
Шевченко Галина Ивановна (814)
Кожевникова Екатерина Игоревна (845)
Савенкова Галина Михайловна (475)
Пуговкина Евгения Леонидовна (783)

Гошев Сергей Аркадьевич – родился в 1957 году в городе Котлас. Окончил два военных училища. Уйдя в отставку, работал учителем в школе. Детский писатель, прозаик, публицист. Член СПР. Живёт в городе Советск Калининградской области.

Эхо войны

Отрывок рассказа

– Был конец ноября 1942 года. Машины из-за распутицы застревали в грязи, и обеспечение передовых подразделений в основном легло на гужевой транспорт. У меня к тому времени на гимнастёрке красовалась медаль «За отвагу»! – Павел Семёнович в своих воспоминаниях был там, на передовой. – Молодёжь уважала, прислушивалась к моим советам. Я был в должности старшего ездового. Конь был красавец Туз. По сплошному месиву из машин перегружали боеприпасы на телеги. Дождь лил постоянно. Колеи от колёс машин заполнялись густой земляной кашей. Застревали и телеги, но их вытолкать и катить, утопшие по оси, было намного легче. Лошади и бойцы, приданные нам в помощь, буквально ложились в грязь от бессилия. Но приказ, любой ценой удержать железнодорожный мост, никто не отменял. Штурмовой инженерно-сапёрный батальон, захвативший у фрицев стратегическую переправу, вёл бой на самом мосту. Забросав пулемётную точку врага гранатами, теперь бойцы разбирали её. Мешки с песком сбрасывали в реку. Те, кого пронзала свинцовая смерть, летели вниз туда же. Сапёры махали топорами, разбирали ежи из колючей проволоки. Крики, стоны, русский мат, рукопашные схватки и непрекращающаяся трескотня пулемётов – вот что я увидел, подъехав к мосту. Штурмовой батальон расчищал его для наших танков.

К подводе подбежал капитан с красноармейцами. У него была пробита каска, правый глаз и щека залиты кровью. Не обращая на это внимание, вытер лицо рукавом, хлопнул меня по плечу и, улыбнувшись, сказал:

– Сержант, как же ты вовремя привёз боеприпасы! Наши уже на исходе! – Потом скомандовал: – Быстро снимаем ящики, подводу освобождаем для раненых!

Привезённая тара опустела. Гранаты и снаряжённые диски для автоматов разобрали бойцы. Захлопали миномёты, выплёвывая смертоносное железо на противоположный берег. Враг ощутил силу нашего огня, его пулемёты стали глохнуть.

– Ты вот что, сержант, пробегись-ка по мосту с бойцами, снеси раненых себе на подводу и в санбат, а мы тут добьём эту нечисть. Вперёд! – закричал капитан, увлекая за собой штурмовую группу.

Крики «Ура!» сквозь шум боя уже неслись с противоположного берега. Двое моих помощников, найдя живого, вытаскивали из-под убитых тел и взваливали мне на спину. Спотыкаясь о трупы, я бегал к телеге и обратно, не обращая внимания на тупую боль в руке, ноге и сильное жжение в груди. Жужжали мины, падая в воду. Свистели пули. Дождём звенели осколки, ударяясь о металлические арки моста. Всё это было как во сне. Сознание реальности у меня включилось только тогда, когда телега была загружена ранеными. Я на несколько секунд замер, посмотрел на захваченный мост… От одного края до другого, по всей длине, его застилали окровавленные человеческие тела: одни в чёрной фашистской форме, другие в нашей – защитного цвета. Они лежали, переплетясь руками и ногами. Смерть примирила их…

Меня качало. Ватник на груди был пробит. Вата вокруг отверстия на глазах становилась красной от крови. В правом сапоге что-то хлюпало. Я подумал, что оторвалась подошва. Левая рука совсем не слушалась. Ничего, вожжами и одной рукой управлять можно.

– Но-о-о, Туз! Пошёл! – выкрикнул я. И мой конь, как будто ждал этой команды. Он упёрся, дёрнув телегу с места, потащил её по грязи в обратный путь.

По дороге, навстречу, спешила колонна тридцатьчетвёрок с пехотой на броне. Мы съехали в сторону. Раненые бойцы, услышав рёв моторов, махали руками, кто мог, приподнимали головы и, еле шевеля губами, «кричали»:

– Братцы, бейте этих гадов за нас…

В санбате военврач, увидев моё состояние, крикнул круглолицей сестричке:

– Этого ездового на стол! Срочно! У него ранение в грудь. Снимите ватник и готовьте к операции.

Остальное помню очень смутно: режущая боль в груди и лицо в маске надо мною…

Вернулось сознание, а глаза открыть не могу. Слышу разговор, а тело не чувствую. Страшно стало, вдруг я уже на том свете, в аду. Жду, слушаю. И тут такое счастье!

– Товарищи раненые, расходитесь по своим койкам, сейчас будет обход. – Нежный голос медсестры вернул меня к жизни. Отрыл глаза. И тот же голос: – Товарищ военврач, раненый в грудь очнулся!

Как-то сразу все засуетились и обступили мою кровать. Кто на костылях, кто с перебинтованной рукой, ногой, головой – все разом заговорили и смотрели на меня так, будто я их родной отец. Оказывается, это те ребята, которых я выносил на своих плечах.

– Товарищи больные, расступитесь. Дайте доктору подойти. – Уверенный голос врача заставил бойцов отступить назад. – Ну-с, герой, пришёл в себя? Пять суток был в бреду. – Доктор сел на краешек кровати и стал нащупывать у меня пульс. – Про тебя здесь уже все уши прожужжали.

Молодец, настоящий русский богатырь. – Он достал из кармана халата кусок чёрного железа и протянул мне. – Этот осколок мины должен был тебя насквозь прошить, а медаль его остановила. – Из другого кармана извлёк покорёженную медаль «За отвагу». – Судьба приказала тебе жить долго и счастливо! – Вложил мне в руку осколок с медалью и продолжил обход раненых.

Уже ближе к выписке произошло событие, спасшее мне жизнь в конце войны. В тот день в палате чувствовалось какое-то волнение. Раненые сидели у открытых окон и что-то высматривали. Пахло весной, свежестью, без умолку пели птицы. Вдруг все, как по команде, спрыгнули с подоконников и встали, как часовые, у своих коек. Разложив всё на табурете, я сидел на кровати, писал письмо и тоже встал в ожидании встречи с большим начальством. Дверь распахнулась, в палату вошёл комбат инженерно-сапёрного батальона в новенькой гимнастёрке с майорскими пагонами. На груди сиял орден Красного Знамени, в руках держал большой свёрток, из-под фуражки у него выглядывали бинты. Так вот кого высматривали бойцы!

– Вольно! – шутливо скомандовал он и продолжил: – Наша часть стала гвардейской, после выписки все получат новую форму и отличительный знак «Гвардия». – Выздоравливающие, как дети, стали приплясывать на костылях, бить в ладоши, обнимать комбата. – А это подарок нашему спасителю! – Он положил мне на койку свёрток. – Распаковывай, примеряй! О твоих габаритах я рассказал нашим умельцам, и они постарались к твоему возвращению.

Внутри оказался ватник с убранными рукавами. На нём были нашиты стальные пластины, как у древнерусских воинов. Надел его и почувствовал себя очень надёжно. Спасибо боевым друзьям, позаботились о моей безопасности. Мне эта кольчуга потом жизнь спасла…

Рассказывая, Павел Семёнович продолжал нарезать кожу, кроить уздечку для жеребёнка.

– Дядя Паша, а как вам этот стальной нагрудник жизнь спас? – осторожненько забросил я вопросик.

– Это, Серёжка, уже в Восточной Пруссии было, в 1945 году… – Он отложил сыромятные нарезки в сторону, с силой воткнул шило в деревянную крышку верстака.

Я не шевелился, боясь спугнуть что-то важное. Наставник умолк. Он вытер о фартук вспотевшие руки, откинулся на спинку стула. Немного раздражённо заговорил:

– Вот смотрю фильмы про войну, удивляюсь. Немцев там выставляют трусами. А я в боях под Кёнигсбергом понял, что здесь сошлись две самые лучшие армии мира. Но наш дух, стремление победить ненавистного врага намного сильнее, а главное, правда была за нами. Потому и победили! Мы на них не нападали. – Злость появилась в голосе этого могучего солдата-победителя. – За Земландский полуостров фрицы дрались ожесточённо. Овладев им, наши войска выходили к Балтийскому морю. Я и мой друг, Ковалёв Мирон Акимович, двумя подводами обеспечивали боеприпасами наступление батальона. Немцы основательно подготовились к обороне. Земля была изрыта траншеями, перед которыми стояли заграждения из колючей проволоки. Возвышенности укреплены огневыми точками, а подступы к ним – минными полями. В небе стоял вой дерущихся самолётов и свист падающих мин. В эти минуты я полагался на интуицию своего коня: вожжами не дёргал. За четыре года Туз научился улавливать полёт мины. Его уши-локаторы вертелись в разные стороны. При зудяще-свистящем вое он сам резко сворачивал в нужную сторону, и мина плюхалась уже на пустое место.

– Ну, у тебя и конь, а я вот уже третьего сменил, – удивлялся друг Мирон – как сглазил моего Туза…

Немцы засели в большом господском дворе Ауерхоф. Наш батальон вторые сутки не мог его взять.

Снова пехотинцы пошли в атаку. Ворвались в траншеи. Перебили не один десяток фрицев. Забросали гранатами пулемётные точки. Дали сигнал ракетой, мол, всё, враг уничтожен. Мы с Мироном поспешили за ранеными. Стоило нам подъехать к дому, как с окон верхних этажей опять полился плотный огонь и полетели гранаты. Стал разворачивать коня, но тут от взрыва повозку перевернуло и накрыло меня. Только через несколько минут прекратилась стрельба и рассеялся едкий пороховой дым. В голове ещё стоял сильный звон, но слух уже возвратился ко мне. Выбрался из-под покорёженной телеги и увидел лежащего коня. Он тяжело дышал. Подполз к нему, обнял за шею. Мой умирающий Туз последний раз посмотрел на меня грустными глазами. Опустил я его отяжелевшую голову на окровавленную траву…

Эх, разжалобил ты меня своими расспросами, Серёжка! А тогда я разозлился. Горе нахлынуло на меня безумием. Я встал во весь рост, осмотрелся. Кругом лежали только убитые. Видно, наши отступили. Вдруг из дома послышалась немецкая речь и хохот. В окнах замелькали чёрные каски.

– Да сколько же вас тут?! Зачем моего Туза убили? – говорил, как в бреду. Увидел сломанную оглоблю от телеги, поднял. Шатаясь и перебрасывая её из руки в руку, как богатырскую палицу, я пошёл мстить за смерть моих товарищей. И один в поле воин!

Из подвала мне на встречу выбежал щеголеватый офицер с дымящейся сигаретой во рту и пистолетом в руке. За ним спешили несколько солдат с винтовками. Эсэсовец выпустил мне в грудь, в упор, всю обойму. Но пули не сразили меня, ударяясь о стальные пластины, они только замедлили моё продвижение. Фриц судорожно стал перезаряжать пистолет, но оглобля, просвистев, уже обрушилась на его голову. Хрустнули шейные позвонки – офицер рухнул на землю. Поигрывая дубиной, я пошёл на солдат. Они остановились, с обезумевшими глазами побросали винтовки и подняли руки.

Дружное «ура» приближалось сзади. Я обмяк. Опустил оглоблю. Мне не хотелось больше никого убивать. Передо мной стояли уже поверженные враги.

Сапёры тщательно обследовали Ауэрхоф. В доме нашли потайные двери, замаскированные под шкафы и посудные полки. Был найден оружейный и продовольственный склады. Все здания двора соединялись между собой подземными ходами. Один из них вывел нас в лазарет, где прятались раненые фашисты и гражданские: хозяева и их работники…

– Дядя Паша, а Мирон Акимович живой остался?

– Мирон-то!? – Конюх очнулся. Удивлённо посмотрел на меня, потряс головой, отгоняя воспоминания. – Так он махонький, метр с кепкой. Попробуй, попади в него! – ответил Семёныч и рассмеялся от своих слов. – Живой, конечно. Тоже награждён медалью «За отвагу». Работает конюхом в родном селе Фоевичи в Брянской области.

…Интернатская жизнь шла своим чередом: уроки, хоздвор, развешивание скворечников, пришкольный огород…

Но однажды, извиняясь, в дверях класса появился завхоз и сказал, что Семёныч не вышел на работу. Завхоз попросил учителя, чтобы позволил мне сходить к конюху домой. Разрешение от директора уже получено.

– Свиньи не кормлены, визжат. На кухне вода закончилась. Хлеб из магазина не привезли. Беги к Семёнычу, узнай, что случилось, – напутствовал он меня, пока мы шли по коридору школы.

Я быстро нашёл дом Павла Семёновича. Постучал в дверь. Открыла тётя Настя, его жена.

– За тобой уже пришли, а ты всё в кальсонах ходишь, – возмущалась она, пропуская меня в хату. – Война уже двадцать шесть лет как закончилась, а ты всё воюешь! Все простыни опять в крови. Когда же эти проклятые осколки из тебя повылезут? Кипяти не кипяти, а кровь всё равно пятнами остаётся. Да за что же мне такое горе.

Из-за печного простенка вышел Семёныч, поздоровался со мной. Сел на стул возле окна. Взъерошенные волосы, усталое лицо и изуродованное шрамами тело обескуражили меня.

– Может, я пойду. Сам сегодня всё сделаю на хоздворе? – предложил я и попятился к двери.

– Да садись, Серёга. Мордастый завхоз без нас пусть побегает. Ему полезно. Ты вот лучше помоги руку и ногу перебинтовать. У меня ночью пять осколков вышло. – Дядя Паша кивком указал на банку на столе.

Я заглянул и опешил. Там лежало много железяк разной формы и размера.

– Вот оно, эхо войны! – Он положил мне на ладонь несколько осколков.

Гахов Александр Константинович – Родился в 1952 году в городе Обоянь Курской области. Окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф.Э. Дзержинского. Член СПР. Член Международной ассоциации писателей и публицистов. Член-корреспондент Академии Поэзии. Прозаик и поэт. Автор пяти поэтических сборников и семи книг прозы. Живёт в г. Черняховск Калининградской области.

Тавро

Бой догорал. Вскоре штурмовые пятёрки замкнули кольцо вокруг разгромленной вражеской колонны и там, впереди, ещё переговаривались автоматы. «Австрийские пули научили Бумбараша и зайцем прыгать, и колобком кататься» – мелькнуло читанное когда-то в юности в голове капитана Углова. Это был для него, ладно скроенного и крепко сшитого, первый бой на Курской земле, подвергшейся внезапному нападению украинских националистов. В происшедшем Углову виделось халатное чиновничье бездействие, за которое в незабвенные времена Иосифа Виссарионовича, лиц ответственных в лучшем случае превратили бы в лагерную пыль. Неделю назад, замаливать чужие грехи, спецподразделение капитана было переброшено на суджанское направление. Здесь на одной из просёлочных дорог, находясь в засаде, оно устроило тёплый приём вторгшимся блудным братьям и затесавшимся в их ряды европейскому сброду.

Не забывая краем уха ловить и анализировать затухающие отголоски боя, капитан по широкой дуге, используя складки местности, где ползком, где перекатом забрал влево. В этом и заключается профессионализм – не портить дело голливудскими красивостями, картинно перемещаясь на поле боя и непрестанно стреляя из немыслимых положений. Отсюда можно было безопасно выйти к уткнувшемуся в откос головному американскому бронетранспортёру.

На подходе Углову удалось рассмотреть, что один из боевиков, лежит под бронетранспортёром неподвижно, прикрывая голову растопыренными пальцами, не выказывая ни малейшего желания пострелять. Свистнув, капитан жестом показал, что того надо брать живым. Контрактник Жора, бывший шеф-повар одного из столичных ресторанов, находившийся поблизости и уже намерившийся бросить под машину "лимонку", по-волчьи осклабившись, убрал гранату и сосредоточился на другой цели. Автоматные очереди постепенно затихали. Боевиков вражеской деверсионно-разведывательной группы оставалось всё меньше. Никто из подвергшихся нападению больше не пытался связаться со своими – всё равно не получилось бы.

Процесс двигался к закономерному финалу. Огрызались лишь пара автоматов, но после взрыва гранаты, и они захлебнулись. С этими последними звуками бой оборвался, словно лопнула перетянутая струна. Она ещё продолжала звенеть, но было непонятным то ли это отголоски боя, то ли внезапно наступившая тишина. Выбравшись на дорогу, первое, что почувствовал Углов, был наплывающий смрадный запах гари. Поблизости чадил опрокинутый остов бронемашины. По пути к беспризорно приткнувшейся к обочине иностранке, на глаза капитану попалось с дюжину чужих трупов. Сейчас он видел погасшие глаза поверженного врага, видел застигнутое смертью, выражение лиц. Несколько мгновений назад, они не допускали мысли, что костлявая уже поманила их иссохшей рученькой, и это отложило отпечаток на личность и образ мыслей. Казалось в их чертах ещё сквозили адреналин азарта, злость, непонимание, страх и боль. На мгновение капитан представил, как ждут их матери, а может быть и невесты. Убитые были молоды. В любом случае, ждущие звонка или СМС весточки, приникшие к экранам телевизоров, ещё не знают, что те, о ком они думают и молятся своему неведомому Богу, превратились в плоть, которая под ласковым солнцем августа уже начала разлагаться. Каждый воюющий, это всегда обещание страданий и горе для того, кто его ждёт. Вокруг, разойдясь по сторонам, держали боевое охранение бойцы из пятёрки Бабая, осматривая округу и слушая небо на всякий непредвиденный случай.

– Пригодный боеприпас подобрали? – проходя мимо, спросил Углов голосом, лишённым эмоций и

чувств.

– Обижаешь, Монах, – называя капитана позывным, откликнулся один из бойцов, – дети малые что ли?

Когда он подошёл к поверженному штабному пикапу, бойцы Апостол с Угодником уже вытащили из-под бронетранспортёра незатейливого вояку. Бледный, с прикрытыми глазами, тот сидел на земле, откинувшись на борт накренившейся машины. Большое бурое пятно, набухая, расплывалось по рукаву комбинезона.

– Перетяните ему руку и антишок вколите, – показав взглядом на пленника, бесстрастным тоном сказал Углов, – а то его раньше времени в райские сады гурии позовут.

Наблюдая, как ловко бывший повар наложил жгут, капитан постучал кулаком по кузову машины и с пониманием ситуации поинтересовался:

– Осмотрели штабскую?

– Бегло, Монах, – введя в плечо пленника антишок, не оборачиваясь, откликнулся командир штурмовой пятёрки Николай и пояснил, – там пять двухсотых весь салон кровью забрызгали.

– Ясно, – тяжело вздохнул капитан, – Пушкина ждёте. Самим не с руки трупы разгребать. Ладно, пойду, взгляну.

Обогнув машину, он заглянул в салон У самого борта, до этого скрытого от глаз, стоял непритязательного вида кейс, прозванный в народе – дипломатом. Нагнувшись, Углов осторожно извлёк его на свет и внимательно осмотрел. Из опыта капитан знал, что привлекательные для любопытных трофеи бывали с сюрпризами в тротиловом эквиваленте. Объёмный дипломат оказался довольно увесистым. Поколдовав над изящными замочками, претендующими больше на остроумные украшения, он осторожно приоткрыл современный чемоданчик. В небольшом отделении находилась свёрнутая карта и какие-то скрепленные степлером бумаги. Всё остальное пространство занимала странная железяка с трезубцем на конце. Несколько мгновений Углов взирал на железную невидаль. В памяти рыбкой блеснуло и обожгло: «Да это же Тавро – приспособление для клеймения скота!» Только откуда взяться скоту в разорённом селе? По лицу капитана пробежала целая гамма чувств: оцепенение уступила место догадке, удивлению и, наконец, внезапной злости. Это основа чувств - Богиня памяти и мать всех муз – Мнемозина, казалось, прокрутила старый фильм давно забытого отрочества...

Приходя в гости, сосед Егор Лукич по-свойски заходил в дом и, не замечая, десятилетнего пострела Сашку, здоровался с бабкой и дедом. Ставил в угол суковатый бадик и застывал в ожидании приглашения в горницу.

Высокий, сутулый, заросший густой и широкой рыже-русой бородой, был он по мнению Сашки похож на сказочного лешего, голова которого, стриженная большими портновскими ножницами, походила на пчелиный улей. Садился на лавку сосед широко, основательно, словно навсегда. Уставившись на деда своими, как у филина прозрачно-коричневыми глазами, шевеля бородой, спрашивал о делах. За разговором гость неторопливо доставал из бокового кармана, замысловато-гранёную посудину с самогоном и ставил на стол. Дед оживлялся и приносил рюмки.

– И чего ходит? – ворчливо роняла бабка так, чтобы слышал сосед, – от делов отводит, да, тоску наводит.

Она не могла терпеть не в меру «широкий воротник» подвыпившего деда.

– Мать, а мать, – с ласковой сердечностью просил её дед, – дай-ка нам чего-нибудь загрызть.

– Вот как сойдутся два друга – хомут и подпруга, – откликалась бабка, – так бы пили и пили за болтовнёй и курением. Иногда с Егором Лукичом заглядывал кто нибудь из мужиков. Когда горницу наполнял, висевший облаком, табачный дым, мужской разговор заходил о самых сокровенных делах и думах. Иногда вспоминались дни минувшей войны. Взрывы хмельного хохота приводили бабку в трепет, терпение ее заканчивалось, истощалось.

– Мужики, – растворяя дверь из кухни в горницу, совестила она, – ай не стыдно в чужих людях сидеть до потёмок? Дайте хоть вечер провести спокойно.

И тут же накидывалась на главного виновника сборищ – деда:

– А с тобой, голубь, я после поговорю! Дождёшься, – многозначительно обещала она, – скалкой приласкаю!

Мужики, переглядываясь, нехотя собирались восвояси.

Особенно помнился Сашке праздник – День Победы. Вместе с Егором Лукичом в гости заглянули два старика-инвалида. Один – одноглазый с обрубком руки, другой, не любивший искусственный «непослушный» протез, а носивший самодельный с резиновой набойкой. Он, как в дупло втыкал в него культю левой ноги. Бабка без обычного ворчания деловито подала на стол, дымящиеся щи и поджаристую картошку. Жёсткую жёлтую солонину с аппетитным мясцом и лубяной шкуркой нарезала ломтиками, а Сашка делал вид, что читает книгу.

Бабка несла к столу хрустящие огурчики, ароматные грузди, исчерна розовые в рассоле, и пухлые ржаные оладушки. От самогона отказалась, но гости, силком усадили её на табурет. Пригубив, она замахала ладошкой: «Яд и есть яд...»

В конце концов не выдержала, увела мальца из горницы и затворила за ними дверь в кухню. Сашка пристроился с книжкой на краешке подоконника. Ему было слышно, как дед и гости прикладывались к самогонке по единой, но неоднократно. Увлечённо разговаривая, они перебивали друг друга. Наконец огромная диковинная склянка видимо опустела, а воспоминания о войне достигли высшего накала.

– Га-га-га, – словно откашливаясь, гоготал Егор Лукич, – верно, верно, я вспомнил, вас тогда шестерых забрали...

– Да ты слушай, Егорша, дёргая его за рукав, возбуждённо говорил один из гостей. – На фронт-то забирали кого в чём: старенькие сапоги, телогрейка. В шапках, годных только на вороньи гнёзда. А в холщовых сумках за плечами - яйца, сухарики, пышечки-фуишечки... Негусто. А осень была мокрая, будто небо оплакивало нас, горемычных. Всем было кому за тридцать, а кому и больше. У меня пятеро оставались, настрогали тогда сдуру. Всей деревней провожали, море слёз выплакали. Мой младшенький влепился в меня: «Тятька, возьми меня с собой» – В военкомате разделили всех по спискам, – подтверждая сказанное, тяжело вздохнул дед. – Из моего призыва двое только и вернулись: Пашка Грязнов без ноги, да я из плена. От разъезда часов пять шёл, – ругнулся он, – доходяга был, словно кровь из меня высосали.

Инвалиды молча закурили. На селе знали, что дед был в плену.

Попал он в него контуженным. После освобождения из плена прошёл фильтрационный лагерь. Времечко было сложное, но обошлось. Сидели за плен не все. В основном те, кто добровольно переходил на сторону немцев и сотрудничал с ними. Сашка делал вид, что читает, а сам напряжённо вслушивался.

– А меня бог миловал, – ухмылялся Егор Лукич, словно намекая, что он лучший парень на деревне...

– Ты сам себя миловал, – с укором оборвал его дед. – Я ж комиссию проходил с тобой в сорок первом. Ты ещё блаженным вырядился. Помню, одна нога в сапоге разбитом, другая в калоше старой на верёвочке. Все норовили почище одеться, помылись в бане, а тебя как из нужника вытащили.

Мужики хихикнув, переглянулись.

– Я тогда скотником был, – с пониманием ситуации, опасливо поглядывая на них, оправдался Егор Лукич.

– Да знаю, что не председателем, – стукнул кулаком по столу дед. – У тебя и сейчас, жизнь на нитке, а ты всё о прибытке.

Захмелевшие мужики зычно хохотнули. Счёт шел громкий, они ошибались, поправляли самих себя, а Сашка сидел в кухне и со скучным видом хлебал, налитые бабкой, жирные щи с оладьями. В какой-то момент в горнице наступила тишина и он услышал то ли плач, толи смех... – Ну-ка, Саш, – незлобиво проворчала бабка, – глянь, чего наш бедолага выкабенивает. Дед стоял, согнувшись, и показывал мужикам голый зад. А они смотрели и, смущённо переглядываясь, почему-то негромко смеялись.

– Вот мужики, мать их, что мне от немчуры в плену досталось, – пьяно всхлипывая, ругался он, – клеймили нас в лагере, как скотину. Порядок у фашистов был такой. Приглядевшись, Сашка увидел непонятный знак, похожий на клеймо у коров в колхозном стаде. Знак красовался на ягодице левой половины, белесым, грубоватым наростом. Дед никогда этот знак не показывал и не говорил о нём. Только в баню ходил всегда один и после всех. То ли совестился, то ли, не хотел бередить душу, бог его знает. А тут, хмельной, да еще в такой день, не выдержал обиды, не телёнок ведь, человек.

– Ну, чего он там притих-то? – поинтересовалась бабка, когда растерянный внук вернулся на кухню. – Чего молчишь-то, – вопрошающе глянула она, – язык, – что ли корова отжевала?

Не дождавшись ответа, она сама, громко закрыв печь заслонкой, заглянула в горницу.

– Пробку понюхал, – начала было ругаться бабка, – хоть в гроб ложи, а вот неймётся. Эка надобность перед мужиками задом хвастать! У всех раны есть: тот без кисти, этот без ноги...

– Молчи, дура стоеросовая! – озлился дед. – Ты на это посмотри, забыла ведь...

Бабка взглянув на след далекой беды, как-то сникла, хлюпнула носом и, зачем-то схватив за руку растерянного Сашку, увела на кухню. В горнице стало тихо, словно там никого не было. Только слышно постукивали ходики. Через минуту-другую дед скрипучим тихим голосом окликнул её:

– Эй, Петровна, принеси-ка нам, у нас тут вся.

Бабка, в такие мгновения ворчливая, вспыхивавшая, словно солома на огне, от его слов порывисто, будто молодая, снялась с лавки. Неловко прижимая к плоской груди, она принесла хранившуюся в кладовке бутылку настоящей сельповской водки и отдала мужикам.

Всё это навсегда зримо запомнилось Сашке: и бугристый уголок клейма на левой ягодице деда, и угрюмый, одноглазый инвалид с оторванной кистью, и деревянный протез одноногого с резиновой набивкой.

Взяв себя в руки, капитан достал карту. Добротная, хорошей полиграфии, она добросовестно отражала суть сложившейся обстановки в Суджанском районе. Тремя таинственными крестиками были помечены линии дорог, ведущих к Курчатовской атомной станции. Разберёмся, ещё раз окинув «километровку» взглядом, мысленно успокоил он себя. Свернув, сунул её в один из освободившихся карманов разгрузки. Прихватив дипломат, Углов начал пробираться к выходу.

– Ну и видуха! – помогая ему выбраться, ухмыльнулся подошедший командир штурмовой пятёрки с позывным Архангел. – Тебя, словно из женской бани выбросили, где перед этим извращённо изнасиловали.

– Растопырься и ты под свою дозу удовольствия, – туманно посулил подчинённому капитан, указав взглядом на дипломат – проблему своей скорби и радости.

– Как личный состав?

– Два трёхсотых, лёгких, – вздохнул Архангел. – Малыш уже колдует.

– А пленник? – перебросив автомат за спину, поинтересовался Углов.

– А куда он на хрен с подлодки денется, – бесстрастно отозвался командир пятёрки. – Очухался. Углов взглянул на часы.

Время было в обрез. – Пойдём-ка потрещим с джентльменом удачи, – всем видом показывая озабоченность, предложил он.

Подойдя к пленнику, капитан поставил дипломат на землю и присел на него. Слишком долго он ходил по неправильной стороне улицы, и сейчас к пленному в его сердце не было ни капли гуманизма. От того, что всё обошлось без непоправимых потерь, легче не становилось. Пленный настороженно поглядывал на окруживших его людей. По всей видимости, он угодил в непривычную для него ситуацию. Попавший в плен на своё несчастье живым, знает, что порой может испытать такое, от чего в ужасе отшатнулись бы предки, убивавшие врага просто и незатейливо. Потому в руки противника попадать живым не рекомендуется.

– Нет, не наёмник, – разглядывая того, машинально отметил Андрей, – видать мелкая штабская мышь.

Боевик вёл бы себя по-иному. Встретившись взглядом с Андреем, пленник растерянно улыбнулся. По всей видимости проявилось побочное действие укола, содержавшего синтетический наркотик.

– Развивается наука, – мысленно констатировал капитан. – Это в Афгане, выдавали перед операцией шарик героина размером со спичечную головку, которую, в случае ранения, можно было сунуть под язык.

– Ну, и чей ты хлопчик будешь? – холодно обронил Углов первое, что пришло на ум.

– Я немецкий журналист, – словно хватаясь за соломинку, залепетал по-русски пленник.

– Ууу, фашист недобитый! Зря перевязал, – недовольно поморщился стоявший рядом с пленным бывший повар и сплюнул в траву со свирепостью служаки давно не воевавшего по-настоящему. – Они меня без дедов оставили, – тяжело роняя, продолжил он, – мало их в гробы вогнали, опять маршируют.

– Мои деды тоже не пришли с войны, – словно оправдываясь произнёс пленный. – Я хороший немец.

– Один хрен в гроб, – со злой готовностью сыронизировал Апостол, – хороших немцев в хорошие, а плохих фрицев – в хреновые.

– Ладно, Жора, сбавь обороты, – устало поморщился капитан, – у меня один дед тоже где-то здесь остался. Что же теперь, каждому немцу жопу рвать? – ухмыльнулся он. – Дай с журналистом перемолвиться.

Когда войны, затягиваясь, разлагают людские души, обладатели второй древнейшей профессии вызывают всё меньше и меньше симпатии. И тогда из человека, который снимает солдата, чтобы родные увидели его на телеэкране, он превращается в ненужного свидетеля. Но, сколько бы крику не поднимали всякие визитёры и трепачи, журналиста на войне никогда не убивают специально. Он погибает, выполняя свою работу там, где люди всё время стреляют, где царит полная неразбериха, и где полно вооружённых романтиков и проходимцев, у которых нет ни времени, ни желания разглядывать его документы. Таковы правила. Иначе не играй в мужские игры.

– И что ты забыл в наших палестинах, немецкий журналист? – устало глядя на того, поинтересовался Углов.

– Европейские читатели хотят знать о конфликте правду, – подыскивая слова, заспешил пленный.

– Ты это серьёзно? – ухмыльнулся капитан.

– У нас свобода слова, – попытался заверить пленник..

– Свобода слова, говоришь? – зло поморщился Углов. – Может ты и об этом напишешь, – достав из дипломата тавро, он приблизил его к лицу немца. – О ваших фашистских правилах. А чтобы не забыл, – бесстрастно обронил он, – мои ребята в два счёта этот значок тебе на пятую точку поставят. Вот и послужит твоя жопа верой и правдой. Как мыслишь, – вопросил он, покрутив перед носом немца тавром, – убедительно будет для твоих читателей? Журналист вытаращился на него с несказанным ужасом и бормотал, что ужасно сожалеет...

И чего это их тянет и тянет к нам, – зло подумал Углов. Пили бы своё тягучее пиво и под сосиски обсуждали бы продвижение НАТО на Восток. Почему-то в его памяти всплыл бедный, заставленный пустой посудой стол, слёзы деда и радостные возгласы Егора Лукича:

– А меня бог миловал!

Бог помилует, – отрешённо подумал капитан, – но я не Бог. – И поправил на плече сползающий ремень автомата.

Тетенькина Татьяна Григорьевна – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Памяти Всеволода Остена

Ты помнишь, Всеволод, меня?..
Сейчас мы в разных ипостасях,
Но свет в душе моей остался,
Как будто мы с тобой родня.

Ты там, конечно же, в раю.
Сквозь ад войны прошёл ты чистым –
Не дал в концлагере фашистам
Сломить ни дух, ни честь свою…

Два поколенья – ты и я –
На курсах встретились однажды,
Где лектор, с виду очень важный,
Как столп, за кафедрой стоял.

Он – хоть и был моложе нас –
Учил бороться за идеи,
И мы, оторваны от дела,
Теряли зря за часом час.

Ты, прикрываясь бородой,

Бубнил мне в ухо анекдоты.
За смех – поставить незачёты
Грозил мне лектор молодой…

Эх, посмеяться бы теперь!
И пусть была бы кара строгой…
Осталась память, слава Богу,
Когда твоя закрылась дверь.

Регион 39

Тридевятый – это наш,
Как под стражей.
«Что поделаешь, война ж», –
Кто-то скажет.
Вроде так, но и не так
Жизнь сложилась,
Без пальбы коварный враг
Окружил нас.
Эти ястребы войны,
Лиходеи,
Не особенно умны,
Но с идеей.
Грёз потоки не унять –
Льются ливнем:
Всё у нас хотят отнять,
Даже имя.
Входят в свой бредовый хмель
Без усилий:
«Вы ж за тридевять земель
От России»…
Зря устроили парад,
Трясогузки:
Не сломить Калининград –
Он же русский!

Так будет

Мы все повязаны войной –
Фронтовики и тыловые.
Незримый бой и зримый бой –
В защиту матушки-России.

Мы с поля битвы не уйдём –
Окоп ли это, или слово.
С поднявшим голову врагом,
Конечно, справимся мы снова.

За кровь, пролитую рекой, –
Над теми, кто толкал нас к бездне,
И Божий суд, и суд мирской
Сольются в праведном возмездье.

«Ястребы» из ада

Пора подумать, «ястребы», о тризне,
Хоть голод ваш кровавый не утих.
Угробили десятки тысяч жизней
И миллиарды долларов своих.

Вам не видать победы в этих войнах,
Что разожгли вы с яростью зверья.
По всей Земле всё больше недовольных,
А значит, недовольна вся Земля.

Однажды вы как порожденье ада
Низвергнетесь обратно в этот ад.
Вы слышите – грохочет канонада? –
Куёт свою Победу наш солдат.

С молитвой – победим!

Там, в небесах, высоко`-высоко`,
Близко к Божьему следу,
Русское воинство разных веков
Молится за Победу.

Сколько их, сколько? Никто не считал
Ратную эту силу.
Каждый молился, когда улетал:
«Боже, спаси Россию!»

И от земли до бескрайних высот
Слышит природа шёпот, –
Молится Богу российский народ,
Значит, Победа к нам снова придёт,

Есть у нас этот опыт.

От Победы до Победы

Сорок пятый, двадцать пятый –
Та же магия побед,
Только разные солдаты
Через восемьдесят лет.

А посмотришь – вроде, те же:
Та же речь, и тот же взгляд,
И в победный день, как прежде,
Славных воинов парад.

Шла на запад путь-дорога,
Не забылся старый след.
Это мало или много –
Мера восемьдесят лет?

Дедов крепкие заветы
Внукам по сердцу пришлись.
От Победы до Победы –
Человеческая жизнь.

Журихина Таисия Николаевна - родилась в Калининградской области. Победитель и дипломант многих международных, межрегиональных и областных конкурсов. Член СПР. Прозаик, поэт, публицист. Внесена режимом Зеленского в санкционные списки. Почётный гражданин Полесского округа. Председатель ЛИТО имени Николая Василевского. Живёт в посёлке Залесье Полесского района Калининградской области.

Сказание о Владиславе-воине

Садитесь, дитятки, покучнее, к костерку поближе, долгим сказ-то будет.

А расскажу я вам сегодня, родимые мои, про героя-удальца, нашего земляка – односельчанина Владислава-воина.

Недалече тут дом его стоит, аккурат, на берегу речки нашей, Веснянки. Дом как дом, каких в округе не счесть: ни мал, ни велик – таких об давнюю пору в нашем тридевятом государстве много строилось. Вот и Владислав с матушкой да отцом в таком доме обретались. Единственным сынком был у родителей – поздним, долгожданным, да желанным. Маменька пылинки с него сдувала: самый лучший кусок ему, штаны поприличнее – своему ненаглядному. Ну, а уж как в школу собирала, так в кредиты влезла по самое некуда, чтобы дитёнка правильно в науку проводить, как школьной методой предрасположено. Баловала одним словом. А батюшка его, строгим был и сынка своего единородного в строгости держал. С малолетства к труду приучал. Что по весне сад обрезать, что грядки вскопать, что какие там столярные работы выполнить – всё его с собой в помощники брал. Вот так и рос Владислав в материнской любви, да отцовском пригляде, и вырос к окончанию школы парнем хоть куда. Высок в росте, широк в плечах, умный-разумный, а что до трудолюбия, так никакой работы не гнушался.

Матушка с батюшкой нарадоваться на своего чадушку не могли, а что до соседей, да иного люда, так там и вовсе все обзавидовались.

Но на то, скажу вам родимые, Бог им судья, своих надо было орёликов рОстить правильно: коль малец – так должон быть кормильцем да защитником. Детушек, скажу вам ребятушки, воспитать – не курочек перещипать!

А тут время подошло определяться с дальнейшей судьбою юноше нашему. И выбрал себе, родимые мои, Владислав, стезю военную, дело ратное. Матушка, как все бабы слезливые, было заартачилась, но отец взял сыновью сторону: – «Не печалься, – говорит, – роднуш, (так он жену свою величал), – надо же кому то Россию-матушку защищать, а наш соколик по всем статьям для этого дела пригоден». И участь парнишки была решена…

Обучался наш юнец ремеслу этому не один годок. Много времени в классах учебных просидел, изучая науки всякие военные. Много ноженьками своими землицы полигонной истоптал, да песочка зернистого при учениях наглотался. Много амуниции всякой поменял, прежде чем выдали ему погоны офицерские. Заручился тут наш соколик Клятвою самою главною, человечною, Присяга называется – беречь и хранить от посягательства просторы Российские до последнего своего вздоха…

Ну-ка, подкинь-ка дровишек в огонёк, вишь, уголья уже обозначились, затухнуть наладился костерок наш.

О! А кого это соседка домой кличет, тебя что ли, лопоухий? Чего заёрзал, иди, не огорчай мамку, родителей слушаться надо. А сказку я и завтра рассказывать буду. Может и другую, а может и теперешнюю, если досказать вечор не успею. Иди уже, а то, глянь-ко, возьму хворостину, да по голым ногам отхожу…

Да и нам, родимые мои, правнучочки, пора наверно уже и в дом пожаловать, а то бабушка наша осерчает. Да скажет, что мол, родителям вашим на меня пожалуется, что на улице вас допоздна мариную. Поздно уже, а сказку дома продолжу, после ужина.

Я этих историй разных тьму-тьмущую знаю. Вот хотя бы о земле этой, на которой живём с вами, с которой фашистов прогнали 75 лет назад. Я тогда освобождал-то город наш главный, где вы родились и в школу скоро пойдёте. Разбитый город-то был до самого, можно сказать, основания. Англичане бомбили не жалеючи ни сколько, а потом уже и наши пушки да самолёты постарались. А чего ж не бомбить, коли фрицы засели в своих фортах каменных, да оттудова солдатиков наших молотили прицельно. Много полегло ребятушек за освобождение Кёнигсберга, так тогда город наш назывался. Там меня малешко и подранило, в ногу осколок попал. Но особо не лечился, так подлатали немного и сбежал опять вражину гнать. Вот с тех пор и маюсь с этой ногой, мозжит, проклятущая к непогоде, сил нет – всё выворачивает…

Разбили мы тогда это фашистское логово, крепко их приложили. Город восстановили, со всей страны народ приезжал восстанавливать красоту нашу балтийскую. И восстановили, вон какой красивый то город стал, туристы со всего мира едут поглядеть на город-сад…

Да-а-а, били фашистов, да видать не до конца обезглавили нацистскую, гадину, раз она очухалась, зашевелилась, расползлась гадёнышами по всему миру. Пришла беда, откуда не ждали. Стали тучи

тёмные затягивать небо над Россиюшкой-матушкой. Ветры буйные, да свирепые доносить с южной стороны запах дыма, да пороха. Подняла голову гидра фашистская тысячеголовая, стала истреблять братский народ наш в соседнем государстве. Крушила сёла и города, сжигала мирный народ с детишками малыми, да стариками бесправными.

Гидра эта – нацисты, выкормыши заграничные, на деньги их вскормленные, вспоенные, боевым наукам обученные.

Разбомбят такие нацики детский сад с ребятишками, да няньками-воспитателями, и радуются, что справились с врагами, москалями. Так они народ этот, не согласный с их правилами нацистскими, и за речь их славянскую – называли. А какие же они враги – детвора, да женщины беззащитные? Вот и я говорю – самые мирные жители!

Много горя принесла своей стране гидра эта фашистская. Сколько детей сиротами осталось, сколько матерей и отцов потеряли своих кровиночек, сколько стариков лишились своих детушек и крыши над головой. Одним словом, родные мои, беда пришла страшная и к нашим порогам. И пришлось Российским воинам-защитникам идти на помощь своим братьям-славянам, изгоям в своём государстве. Да только гидра эта вселенская как будто поджидала этого. Кучу оружия всякого разнообразного направила в поддержку своим нацикам южным. А тем всё мало – ещё просят вооружения у шефов своих заграничных и денег на оружие.

Бьются наши воины насмерть, защищая братьев своих. Заставила гидра биться друг с другом бывшие народы братские. Гибли воины-защитники как с одной, так и с другой стороны. Много наших славных ребятушек там полегло, а нацики никак не угомонятся. Всё себе из-за границы подмогу зовут, наёмников всяких иностранных. И едут же супостаты, не боятся, ухмыляются, перед фотоаппаратами, автоматами машут, мол, вот какие мы храбрые, да сильные….

И вот тут- то собрался наш Владислав на подмогу братьям своим, воинам российским. И не только потому, что Присягу на верность Родины принимал, а так сам решил, так его родители воспитали – помогать слабым, да защищать народ свой… И пошёл наш сокол с товарищами своими на врага лютого.

Долго ли воевал хлопчик наш, о том мне не ведомо, ведь там день жизни за три идёт. А только пришёл и его час за Отчизну-матушку постоять: применить знания коим обучался, да силушку свою богатырскую проявить.

Бьются воины наши с врагами лютыми, в кровь, в смерть бьются. Уж и снаряды заканчиваются, и силы на исходе, а нацики всё напролом напирают. Им что, накачались наркотой – зельем бесовским, и хоть трава не расти. Бегут с глазами бешенными, орут свои кричалки фашистские. Окружают ребяток наших с двух сторон… Смерть бы им всем пришла неминучая…

И тогда приказал Владислав товарищам верным, оставшимся, уходить к своим, а сам он будет прикрывать их отход. Ведь какой закон в армии: – сам погибай, а товарища выручай! Но не все товарищи решились оставить командира, ведь и им закон этот армейский не понаслышке знаком. Только Владислав приказал всем уходить, а приказы не обсуждаются.

– Прощайте, – говорит, товарищи мои верные, – не поминайте лихом. А я буду бить врага до последнего патрона, до последнего своего вздоха. А гранату свою последнюю взорву с нацистскими тварями…

Может так говорил, а может и не так, кто теперь скажет, а только принял он смерть геройскую за товарищей своих, за народ свой, за родителей своих, за дом свой, школу, за посёлок наш и за нас с

вами.

Вот таким был наш воин-Владислав.

Теперь в администрации говорят, что улицу, на которой он жил его именем назовут. А то и правильно. Люди должны помнить и знать своих героев…

Ну, заговорил я вас, детушки? Пора вам и спать укладываться, да Владислава с товарищами его, воинами славными, которые сейчас с фашистами сражаются, – благодарить. За сон ваш спокойный, день добрый и небо мирное.

Грицук Анатолий Павлович – родился в 1951 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Председатель Общественной писательской организации «Росток» города Советск, член Союза писателей России, действительный член Международной академии русской словесности. Занесён в Книгу Почёта города Советска Калининградской области. Поэт, прозаик, публицист. Живёт в Советске Калининградской обл.

От войны до войны

Сакральная мощь и душевные силы
По воле и Вере нам Богом даны.
Всё тянутся хищные руки к России…
Вот так и живём от войны до войны.

Теряем друзей, и родных, и знакомых…
Но память священна на все времена:
Боль нашей страны, ведь из каждого дома
Кого-то навечно забрала война.

Мы пашем и сеем, и ждём урожая –
Надежной на мирную долю живём
И души для добрых людей обнажая,
Свой хлеб, не стыдясь, без оглядки жуём.

Мир сходит с ума, не чураясь пороков.
Нам важно детей от беды уберечь.
История знает растленья уроки,
Когда отменяют и Веру, и речь.

Всё жадные руки стремятся к России…
Вот так и живём от войны до войны.
Сакральная мощь и душевные силы
По воле и Вере нам Богом даны.

Вещий сон

Иду по парку. В золотой пыльце
Листва аллею нежно украшает.
Я ничего не знаю об отце.
Прости, отец, немногое я знаю.
Мне привелось с ним встретиться во сне
На улице разбитого Тильзита.
Рассказывал отец лишь о войне:
О боевых товарищах убитых,
О штурме в ночь до самого утра
Январской неуютною порою.
Мне слышалось стократное «Ура!»,
Где каждый стал в тот страшный час героем.
И вот Тильзит поверженный у ног,
А сапоги отцовы в вязкой глине.
Он мне сказал: «Увидимся, сынок,
Коль раньше до победы не загину».
Я думать о потере не хочу –
Чтобы семью настигла похоронка.
За здравие живых зажгу свечу
И помолюсь Всевышнему в сторонке.
Ещё с отцом мы встретиться должны,
Ведь вещий сон сбывается, я знаю.
Сухой листвы чуть шорохи слышны,
Сегодня им я всей душой внимаю.
Ещё немало кровушки пролить
До логова фашистского придётся.
Пройдут года. Тяну я память-нить –
Во сне лишь наша встреча остаётся.
В Победный май на главный праздник свой
Он выпьет водки и чуть слышно скажет:
«Я – фронтовик, пока ещё живой»
И молча по щеке слезу размажет.

* * *

Шуршит листва в угоду октябрю.
Здесь осень жизни с грустью повстречаю.
Хоть мысленно с отцом я говорю,
Но ничего о нём почти не знаю.

На земле Донбасса
И люди, и птицы привыкли к войне.
«Зелёнка». Напев под снарядные свисты.
Донбасс много лет выживает в огне –
Не пал на колени в угоду нацистам.

«Зелёнка». Напев под снарядные свисты.
Для самой красивой, желанной своей
Поёт о любви тот смельчак голосистый –
Выводит рулады всю ночь соловей.

Донбасс много лет выживает в огне.
Блиндаж. Полудрёма: не спится солдату.
Рисунки детей на шершавой стене…
И крестик нательный с Иисусом распятым.

Не пал на колени в угоду нацистам,
На землях исконных в святой стороне,
Донбасс. Наши деды здесь били фашистов,
Где люди и птицы привыкли к войне.

Эйза Людмила Александровна – Родилась в Берлине в семье военнослужащего. 40 лет работала медицинской сестрой. Заместитель председателя Общественной писательской организации «Росток» города Советск Калининградской области. Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Советске.

Лицо истории

Как сохранить истории лицо
И не забыть о самом сокровенном?
Негласный разговор веду с отцом,
Ведь память о родителях священна.

При жизни он немного говорил
О тех годах, войною опалённых.
Шутил о том, что многое забыл
И тёр висок так рано убелённый.

Исправно самолёты он «лечил»
И возвращал машины экипажам.
Аэродромы враг всегда бомбил…

Обмолвился: контужен был он дважды.

Но слух к нему вернулся не совсем –
После войны не слышал правым ухом.
Он часто уходил от этих тем,
Старея телом, но, отнюдь, не духом.

И вот, опять на Родину напасть –
Фашисты недобитые воспряли
И скалят окровавленную пасть,
Но победить Россию им едва ли.

И снова гибнут русские сыны
За мир и за свободу не напрасно.
И нет такой оправданной цены –
О здравии их молим ежечасно.

Как сохранить истории лицо
И не забыть о самом сокровенном?
И дети подрастут, гордясь отцом,
Ведь память о защитниках священна.

Передышек на фронте всё меньше

Передышек на фронте всё меньше,
Лишь урывками спится бойцам.
Согревают их письма от женщин
И рисунки детей для отца.

Незатейлив рисунок ребёнка,
Но дороже бойцу не сыскать.
Пусть семью обойдёт похоронка
И дождётся сынов своих мать.

И настанет желанная встреча,
Но пока до неё далеко…
Каждый день жаркой схваткой отмечен –
Бой за Правду вести нелегко.

Передышек на фронте всё меньше,
Лишь урывками спится бойцам.
А молитвы от любящих женщин
Сил дают, чтоб идти до конца!

Нас не будят взрывы по утрам

Нас не будят взрывы по утрам –
Быт, семья, работа – всё размерено.
Только жизнь, как будто бы, потеряна
Или разорвалась пополам.

Родина. Россия. С.В.О. –
Новостями ленты переполнены –
Там Луганск, Донецк… там наши воины
Бьются за свободы торжество.

Мы за них волнуемся не зря.
Враг силён, а наше дело правое.
Не важны нам западные правила,
Есть законы, честно говоря.

Но они нацистам не указ,
Ведь у них мозги давно промытые –
И свои, и наши что убитые
Не волнуют и не колют глаз.

Весь народ российский, что в тылу
Помощь шлёт и лодыря не празднует,
Пресекая разговоры разные,
Пусть и было сказано в пылу.

Без умолку лают за «бугром».
Нет той силы, чтоб с Россией справится.
Нравится кому или не нравится –
Враг не разорит наш отчий дом.

Шевченко Галина Ивановна.

Работала в школе Областного кризисного центра Калининградской области. Публикуется в периодических изданиях. Проза и поэзия. Представитель Международного Союза Русскоязычных Писателей. Участвует и побеждает не только в литературных, но и в фотоконкурсах. Живёт в Калининграде.

Здесь не отступали

Вчера вечером Вера Митрофановна, или баба Вера, а еще проще Митрофановна, как звали её на хуторе, наконец-то договорилась с местным фермером Мишкой Никоновым, что он за триста рублей вспашет ей огород. Три сотки, что были на задах, заканчивались у неглубокого оврага, а дальше стоял небольшой лесок.

Вечером старушка пришла на край огорода и уже в мыслях планировала свои будущие грядки. В свои семьдесят семь лет она еще бордо шагала по прошлогодней борозде и поглядывала на три высоких дуба, что росли на краю леска. Баба Вера вспомнила, как в 1946 году их сажала с отцом, а было ей тогда семь лет…

Фермер приехал ровно в восемь утра, посигналив у забора, он прошёл во двор и открыл ворота. С работой Мишка справлялся быстро, чувствовалась сноровка. Закончив предпоследнюю борозду и развернувшись, тракторист опустил плуг на краю оврага и двинулся на участок. В это время из-под ножа плуга вывалился большой ящик и посыпались какие-то ржавые штуки. Бабе Вере было видно, как лицо фермера побелело и он, открыв дверцу тракторёнка, сиганул с молниеносной быстротой.

Добежав до Митрофановны, он схватил её за рукав и потащил к избе.

– Ходу, бабуля, ходу, а то до беды недалеко. Вот же я влип с твоим огородом,-начал причитать Мишка.

А Митрофановна, не понимая ничего, смотрела на тракториста в полном недоумении.

– Снаряды у тебя на огороде я отрыл, – опять начал причитать Мишка .

– Трактор жалко, новый совсем, – не унимался он.

Только через час, после звонка, приехали все службы: полиция, МЧС и «Скорая помощь». Сапёры оцепили огород и часть оврага, начали работу и уже к обеду вывезли все снаряды. Взрывать их здесь не было возможности. Пройдя несколько раз с миноискателем по всему участку, ребята объявили, что опасности нет.

Мишка уже давно и благополучно вызволил свой трактор, а на радостях даже не взял денег с Митрофановны, но и не допахал последнюю борозду.

– Не обессудь, бабуля, – бухтел он смущенно, – но там не только снаряды, но и косточки человеческие. Не хорошо это, перепахивать их после смерти.

А ближе к обеду приехал автобус, из которого высыпала группа ребят и девчонок в одинаковой форме. Видимо старший из них, как подумала баба Варя, подошёл к саперам и о чем-то поговорил. Только после этого вся группа двинула к краю оврага. Молодежь сноровисто поставила две палатки, разложила ящики и мешки и приступила к работе.

Старший этой компании, немолодой мужчина с седыми волосами и такой же седой бородкой, подошёл в Бабе Вере и, поклонившись, сказал:

– Мать, здесь большое захоронение наших солдат, мы хотим похоронить их достойно, так что с огородом дня два-три придется подождать. Вы не против? А когда мы всё уберем, то поможем с посадкой.

Вера Митрофановна только взмахнула руками в знак того, чтобы не беспокоились и всё делали как нужно. А потом смахнув выступившие слезы еле слышно сказала:

– Делайте свое дело, сынки, а я с посадкой всегда успею.

Некогда Прусская земля, эта крошечная область на самом западе, давно принадлежит России. Каждый её метр не полит, а пропитан кровью советских солдат. Леса и овраги-это кладбища сотен и сотен бойцов, которые погибали на этой чужой земле за Победу.

По этим ухоженным дорогам, покрытым брусчаткой, не брели отступающие советские войска. Подводы и полуторки с ранеными солдатами почти не видны были на отвоеванных хуторах и поселках. Советские солдаты здесь только наступали и погибали сотнями и тысячами под беспрерывным огнем немцев. Известно, что во время наступления потери на порядок выше.

По сведениям историков с обеих сторон потери составили около 110 тысяч человек. Только за взятие одной из окраин Кёнигсберга-Пятого форта, пятнадцать бойцов получили звание Героя Советского Союза. И это с учётом того, что в августе 1944 года вследствие двух бомбардировок британских ВВС, несмотря на то что и город, и его жители находились под защитой международного соглашения, заключенного более ста лет тому назад по инициативе двух русских царей, старинный Кенигсберг был разрушен почти до основания.

Английский математик Фримэн Дайсон во время Второй мировой войны работал аналитиком при британском отряде бомбардировщиков. Это он сообщал и тщательно подсчитывал «до самого конца, как можно было с наименьшими затратами убить сотни тысяч людей».

Найденный в конце концов эффективный метод уничтожения выглядел так: сначала сбрасываются авиационные мины (осколочно-фугасные бомбы), ударной волной которых срывает крыши, выбивает стекла и обрушивает брандмауэры; затем в открытые сверху дома сбрасываются зажигательные и фосфорные бомбы, пламя охватывает деревянные перекрытия, двери, мебель, перила лестниц, а воздушная тяга превращает каждый очаг возгорания в огромный пожар; и наконец, с помощью фугасных и осколочных бомб, отчасти замедленного действия, на улицах в местах их падения возникают воронки, разрушаются водопроводы, чтобы воспрепятствовать действиям пожарных и слиться в единый огненный смерч, в котором гибнут все люди, оказавшиеся в подвергшемся бомбардировке районе: сгорают в огне или задыхаются от дыма, независимо от того, сидят ли они в подвалах или пытаются спастись бегством под открытым небом. Кенигсберг пылал несколько дней.

На созданном к 60-летию британской бомбардировочной авиации в 2002 году интернет-сайте налеты на Кенигсберг еще и сегодня описываются как крупное достижение. Примечательно, что сотрудники Ассоциации бомбардировочной авиации полагают, что сегодняшний Калининград находится в Литве – так мало знают они о городе, который бомбардировочная авиация стерла с лица земли.

Может быть поэтому Калининград и область стали тем местом, где снимались многие военные фильмы: «Встреча на Эльбе», «Подвиг разведчика», «Женя, Женечка и «катюша», «Двадцать дней без войны», «Был месяц май», «Весна на Одере», «Дорогой мой человек», «Мир входящему», «Отец солдата», «Судьба человека», «Щит и меч», «Я – русский солдат», «Жена керосинщика», и даже «Про красную шапочку»,

Каждый год весной, когда сходит снег, Калининградская земля являет миру следы былой войны. Это бывшие окопы, воронки и блиндажи, которые все ещё сохранили свои очертания. От времени давно сгнили кресты, а каски и остатки оружия рассыпаются в прах при прикосновении. Однако, следы былых жестоких сражений ясно видны в любом лесочке, у речек и ручьёв, где из под земли появляются останки саперной лопаты и рвется современная обувь о ржавую колючую проволоку той войны.

Старые буки и липы, яблони и груши, раненные когда-то осколками снарядов, доживают свой век в садах и дворах местных жителей. Они вспоминают по весне, как разбегались, словно крысы, солдаты вермахта, как горели их танки и блиндажи, как рвались от взрывов укрепленные форты и падали с неба самолеты с черными крестами.

Сейчас же, в память о тех боях, стелы и мемориалы с именами погибших солдат здесь есть в каждом поселке, и не важно на десять он домов или на пятьдесят.

Люди в камуфляже часто бывают в разных уголках этой маленькой области. Они находят следы тех, кто шёл в атаку на Пиллау и Кранц, Раушен и Тильзит, а так же штурмовал город-крепость Кёнигсберг.

Вечером, когда стемнело и ребята развели большой костер, вынесла им Вера Митрофановна кастрюлю отваренной картошки прошлогоднего урожая, большую миску маринованных опят, политых маслом и присыпанных луком, и бутылку Кагора, что стояла непочатой еще с Пасхи. Поклонилась им в пояс и сказала дрожащим голоском:

– Не побрезгайте, детки, помяните наших солдатиков, что сложили свои головы на этой земле за нашу спокойную жизнь.

Компания загалдела, наперебой благодарили бабу Веру и приглашая на чай со смородиновым

листом. Но она скромно отказалась и пошла к себе в избу, смахивая набегающую слезу. Вера Митрофановна вспоминала, как в 1946 году так же хоронила вместе с отцом в лесочке, что был через неглубокий овраг, останки трех солдат, которых они отрыли, когда здесь копали глину на печку. На месте этих могил растут три высоких дуба.

Их Митрофановна сажала маленькими прутиками много-много лет назад.

Кожевникова Екатерина Игоревна - псевдоним Екатерина Юдина. Выпускник бакалавр БФУ им. Канта, специальность «Филология». Студент магистратуры БФУ им. Канта по специальности «Филология». Работает в библиотеке 22 гимназии г. Калининграда, ведёт литературную студию «Чернильница» для 3-4 классов. Лауреат Второго открытого заочного Межрегионального литературного конкурса маринистики им. К.С. Бадигина, участник и призёр нескольких всероссийских и региональных литературных конкурсов и фестивалей. Член СПР, Балтийская писательская организация. Живёт в Калининграде.

О жизни

Veritas – Истина

Мне кажется всё чаще, что слова
Мои не долетят до адресата.
На солнце тает сахарная вата,

И от жары кружится голова.
А я, лишь только в том и виновата,
Что вечно уповаю на слова.

Мне видится всё чаще, что любовь
Не объяснить придирчивым рассудком.
Что для одних бессмысленная шутка,
Другим – напротив, разжигает кровь.
И что желать нам в этом мире жутком
Возможно боле, чем найти любовь?

Есть вещи неподвластные уму.
О них мы сочиняем небылицы,
И радуемся, что свои синицы
При нас гнездятся в стареньком хлеву.
Лишь изредка давая насладиться
Недолгим миром сердцу и уму.

Мне кажется, что люди никогда
Не выучат простейшего урока,
О том, что не случится раньше срока
Ни счастье в нашей жизни, ни беда,
Судьба подвластна твердой воле рока:
Она не спорит с нею никогда.

Мальчик

Мальчик добрый со взглядом лазоревым,
Не вноси в мою душу сумятицу.
В своей твердости равная с оловом,
Я прикована к белому платьицу.

Только олово тоже ведь плавится.
Капли льются со щек, заколдованы.
Я мечтаю о ситцевом платьице,
И чтоб губы мои – не целованы.

И душа моя рвется и мечется
От того, что судьба насмехается.
Проверяет меня на доверчивость,
Навязать мне иное пытается.

Я прикована к белому платьицу,
Но я знаю какой ты бессовестный.
Не вноси в мою душу сумятицу,
Мне смотреть на тебя странно-боязно.

Не трави мою душу бессонную,

Не ищи во мне дружбу извечную.
Я останусь такой. Отдаленною.
Я с другим уже счастьем повенчана.

Письмо брату

Сожги все мои письма, Николай.
Пишу тебе я с края поля боя.
Зима прошла, кончается февраль,
Но нету друга верного с тобою.

И, видно, не сведется нам двоим
Дождаться часа светлого свиданья.
Я в красный крашу снег, и Херувим
Отсчитывает срок для расставанья.

Мой милый Коля, матери скажи,
Чтоб за меня поцеловала брата.
И чтобы свечку в церкви для души
Поставила, дабы открылись врата.

С товарищами горькую печаль
Не запивай студеным спиртом, Коля.
Я мало жил, и этого мне жаль.
Но умер я за Мир на поле боя.

Сожги все мои письма, Николай.
Бог милостив, я защитил любимых.
Зима прошла, кончается февраль,
И Херувимы шепчут мое имя.

Савенкова Галина Михайловна.

Участвовала и неоднократно становилась победителем литературных межрегиональных конкурсов, проводимых Балтийской писательской организацией. Пишет рассказы и очерки о жизни земляков, в первую очередь это жители посёлка Чистые пруды, где выросла и сложилась как писатель. Состоит кандидатом в члены Союза писателей России.

Живёт в Калининграде.

Защитникам Курской области

Бессмертно прошлое веков
И русского народа.
Священны подвиги отцов.
Венец борьбы – свобода!

В народной памяти жива
Далёкая война.
И вновь как в трауре вдова –
Любимая страна:

Померкло солнце в небесах
Над Курскою дугой,
Покинув дом, бегут в слезах
Гонимые бедой.

Где туча чёрная прошла –
Распластаны тела,
В багровом зареве земля,
Седеют тополя.

Примолкли в Судже соловьи,
Изранены поля,
Зияют рваной лентой рвы
У Красного села.

Чтоб демон смерти не летал
По нашим деревням
И ветер злобный не гулял
По выжженным дворам,

Жестокая идёт борьба
За каждый метр земли.
Страны решается судьба –
Враги рубеж прошли!

На Курском фронте горячо:
Бьют в цель расчёты «Град».
Подставив помощи плечо,
Боец бойцу как брат.

В аду кромешном круговерть:
То дрон огнём грозит,
То пуля снайпера свистит,
Неся с собою смерть.

От взрывов плавится металл,
Воронки на пути.
Погранотряд здесь бой держал,
Чтоб русский мир спасти.

Один лишь раз дано прожить –
Так Богом суждено.
Есть выбор: подвиг совершить
Иль трусом лечь на дно.

Сражаясь храбро на полях
С противником в бою,
Солдаты бьются не за страх –
За Родину свою!

Вгрызаясь в полчища врага,
Готовы жизнь отдать.
Борьба с нацистами жестка,
Приказ дан: «Всех – изгнать!»

Мечтает натовцев орда
Оплот страны разбить –
Никто не сможет никогда
Народ наш победить!

Насколько крепок русский дух,
Доказано в делах:
В горниле схваток пыл потух
У недруга в рядах.

Но всё же, враг ещё силён.

Наёмник жилы рвёт:
Озлоблен и вооружён,
Убийствам счёт ведёт.

Нас опыт предков научил
Отчизну защищать:
В единстве крепком фронт и тыл
Умеют побеждать.

Врага нещадно бойцы бьют –
Букеты им любви.
С восходом снова запоют
Рулады соловьи.

Героев новых имена
Останутся в сердцах,
Как та счастливая весна
С Победой и в цветах…

Где битва Курская была
Не место воронью.
В России даже тополя
Как воины в строю.

Пуговкина Евгения Леонидовна. Преподаватель актерского мастерства музыкально-театрального отделения Школы искусств им. Ф. Шопена. Живёт и работает в Калининграде.

Маленькая поэма о большом

Дороги незаметно опустели,
В большой ладони маленькая ручка.
Над головами звезды заблестели.
Идут вдоль поля дедушка и внучка.

– Дедуля, расскажи про бурю.
Я слышала, вы с мамой вспоминали.
Как солнце просверлили пули,
Как за свободу люди погибали.

– Ну, что поделать, что поделать, внучка,
Придётся рассказать о Силе Неба.
Какая ты, малышка, почемучка...
Жестока правда жизни и свирепа.

Траншеи укрепления, окопы
Вместо хлебов и сбора урожая.
Пустеют улицы, летают вертолёты,
Строчит орудий очередь сплошная.
Нас атакует враг. Коварный. Лютый.
Жестоко на деревни наступает.
Нам так важны, так дороги минуты.
Но враг хитёр, как тени ускользает.

Нам проиграть нельзя. За нами дети.
За нами матери, хромые старики.
Мы ведь теперь за всех за них в ответе.
«Дадим отпор!» – сказали мужики.
Их тучи, тучи... Нас совсем немного.
Но боль одна. И гнев у нас один.
И нет пути другого, запасного.
Мы землю предков ни за что не отдадим.
И встали сыновья, отцы и братья.
Земля в беде. Свобода на весах.
И грянул бой. Не в силах рассказать я
Как кровь лилась у женщин на глазах.
Молились матери, отчаянно молились.
За милость Божию, за веру, за народ.
И к небесам молитвы возносились.
Мы знали – враг отступит и падёт.

Разрушенные очаги,
Дома без окон, жизнь без света,
Истоптанные сапоги
И крики : «Солнце! Солнце, где ты?»
И мяч, и кукла, и юла
Лежат в траве – забыто детство.
Недавно здесь семья жила,
Теперь молчит пустое место.

А хватит ли сил, чтобы это исправить?
А хватит ли мужества выдержать бой?
Атаку отбить и врага обезглавить,
Живыми вернуться домой?

Сражаться честно, храбро и отважно-
Оберегать детей и матерей,
Быть преданным и верным- это важно.
Любить страну, народ – ещё важней.

Погибли оба сына на войне.
Их кровь теперь меня не отпускает.
Уснули крепким сном в родной земле.
Сильнее этой боли не бывает.

Безмолвно смотрит внучка на огонь.
В глазах её блестят слезинки.
И гладит голову шершавая ладонь,
Дрожат сухие скорбные морщинки.
Невыносима удушающая боль.
– Дедуля! Мой дедуля! Я с тобой!

Подъем на высокую гору петляет.
Крутой поворот. И ещё, и ещё.
Дорога наверх без преград не бывает.
Опасен обрыв. Нужно Бога плечо.

Опасен и крут. Нужно крепче держаться
За дедушки руку, за руку Творца.
– Петляет тропа. Стало сложным взбираться.
Чуть-чуть отдохнём и пойдём до конца.
И грешник, и праведник в гору идет.
И столько крестов мы встречаем в пути.
Ведь, кто-то, наверно, чужой подберёт.
А кто-то уронит, не сможет нести.
Постой, посмотри, какой вид! Загляденье!
Ну где ты другую найдешь красоту?
Просты и доступны у Бога творенья,
Но как излечить слепоту?
Безоблачно небо и солнце сияет.
В такой синеве можно вечно парить.
Но слабые крылья лучи опаляют
И даже способны убить.
Сверкают кресты. Дай мне руку, родная.
Опасен обрыв. Не спеши, не спеши…
Какая ты выросла, внучка, большая.
Так важно не сбиться с пути.
А вот уже и храм за поворотом.
Он для души убогой – колыбель.
Для воина – единственным оплотом
Становится из камня цитадель.

Кто мы? Кто мы все? Кто мы есть в самом деле?
Мы воины? Дети? Ключи от дверей?
Мы созданы каяться? Жертвовать? Верить?
Прощать? Убивать? Что важней?

Вся пролитая кровь – возвышенная сила.
Её нельзя забыть и вычеркнуть нельзя.
Нам должно вечно чтить, что будет, есть и было,
И помнить до конца – мы все – одна семья.

– Раз-два-три-четыре – ты расти, расти зерно…
– Раз-два-три-четыре – в Вечность брошено оно…

Добавить комментарий

Комментарии